О Т З Ы В

об автореферате диссертации А. П. Беловой «Вещный мир в трилогии В. И. Белова “Час шестый”: поэтика и символика», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

Произведения В. И. Белова занимают особое место и в истории литературы деревенской, и в истории литературы отечественной. Традиционное бытописание у автора совмещается с осмыслением бытийной проблематики, в результате чего объекты материального мира формируют специфические «круги», а персонажи оказываются окружены некими «вещными» полями. Соискатель видит эту особенность беловского текста и справедливо связывает актуальность исследования и его научную новизну с бытием вещи и вещностью бытия.

А. П. Белова хорошо разбирается как в самой избранной проблеме, так и в нюансах ее осмысления и решения в соседствующих с литературоведением дисциплинах. Об этом говорят, прежде всего, формулировки задач и цели исследования. Последняя включает в себя осмысление поэтики образа вещного мира в трилогии «Час шестый» именно в свете литературоведческого подхода к анализу предметного уровня произведения.

Что касается задач, то здесь предполагается: 1) уточнение понятия «вещь» в философском, культурологическом и литературоведческом подходах для осмысления его функциональной роли в различных типах дискурса; 2) экспликация семантики особо значимых в художественном мире трилогии вещей; 3) определение и анализ вещных полей в их соотнесении с различными типами героев; 4) глубокое исследование закономерностей вещного мира трилогии.

Содержательная часть автореферата логически и сущностно связана с системой задач и предлагает нам текст, насыщенный фактическим материалом. Этот момент в совокупности с корректно подобранной методологической базой и собственно методологией исследования позволяет говорить о корректности и убедительности выводов, составляющих научную новизну исследования: «Вещи распределяются в три круга: образующие ближайшую зону иррадиации человеческого начала; вещи ближайшего окружения и первой необходимости, образующие второй «вещный» круг, несущий на себе печать человеческого; целое среды обитания образуют третий круг, обозначающий границу между внутренним и внешним пространствами деятельности человека» (с. 5). В связи с этим обстоятельством мысль соискательницы о том, что «такой подход позволяет рассмотреть семантику вещи как производную свойств вещи, свойств ее владельца/создателя, условий ее бытования одновременно в нескольких временных пластах» (с. 5) не вызывает возражений.

Положения, выносимые на защиту, опираются на результаты анализа, проделанного А. П. Беловой и, несмотря на громоздкость, выглядят достаточно убедительно. Хотя, на мой вкус, в этой части исследования вполне можно было бы обойтись и без ссылок на авторитеты. Но если данное замечание имеет вкусовой характер, то два следующих затрагивают сущностный аспект положений.

1. Соискательница утверждает, что определенные вещи «сопровождают героев <…>, с одной стороны, характеризуя их как путешественников, странников, нищих, участников праздников и застолий, с другой, маркируя и активно формируя мифологическое пространство романов (сюжет перехода, сюжет блудного сына, сюжет пути на Голгофу)» (с. 8). Далее следует тезис, согласно которому «вещи в трилогии <…> составляют онтологическую основу “видимых” сюжетов и оформляют их логику.

Одним из самых значимых онтологических сюжетов трилогии является сюжет пути на Голгофу» (с. 8). Хотелось бы понять, каким образом мифологическое и онтологическое оказываются если не тождественными, то синонимичными друг другу?

2. Положение о том, что «максимально полно реализуя свою бытовую сущность, вещи в трилогии наполняются символическим смыслом, становятся мифологемами» (с. 9) теряет часть своей убедительности из-за размыто-перегруженной аргументации как в преамбуле автореферата, так и в его основной части: «Мельница как предмет мифологизируется: превращение предмета в мифологему осуществляется за счет синкретизма мышления создателя мельницы, антропоморфизма, метафоризации (сначала в метафору времени, затем – в метафору безвременья, лейтмотивом сюжета о творце и его творении становится их сердечная связь, мельница становится и метафорой мысли)» (с. 16).

Однако высказанные замечания не влияют на общее впечатление и, приглашая к дискуссии, не опровергают значимость остальных результатов. Теоретическая и практическая значимость исследования очевидны, тем более что они подтверждены апробацией на 25 конференциях международного и всероссийского уровня, а также 14 публикациями, 5 из которых статьи в ведущих изданиях, рекомендуемых ВАК Министерства науки и высшего образования РФ.

На основании сказанного считаю, что диссертация «Вещный мир в трилогии В. И. Белова “Час шестый”: поэтика и символика» полностью соответствует требованиям, предъявляемым ВАК РФ к исследованиям данного уровня, и ее автор — Анна Павловна Белова — заслуживает присуждения искомой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

11 ноября 2026 г.

Заведующий кафедрой журналистики и литературного образования ГАОУ ВО ЛО «ЛГУ им. А. С. Пушкина» доктор филологических наук, доктор философских наук, профессор; Заслуженный деятель науки РФ Слободнюк Сергей Леонович

196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, д.10 лит. А.
Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Ленинградской области «Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина»; филологический факультет; filolog.dekanat@lengu.ru; 8 (812) 451-98-42.

Подпись Слободнюка С.Л.
Удостоверяю "11" 11 2026 г.
Специалист по кадрам Белоева М.А.